

ПРЕВРАЩЕНИЯ ИСТОРИИ В РОМАНЕ А. ИВАНОВА «ПИЩЕБЛОК»**Когут К. С.**Специализированный учебно-научный центр
Уральского федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5402-249X>

SPIN-код: 5661-5490

А н н о т а ц и я. В статье рассматривается образ истории в романе Алексея Иванова «Пищевлок». Произведение исследуется в русле саморазвития писателя. Наблюдения над авторским пониманием истории дополняются различными контекстуальными связями романа с творчеством Иванова и русской прозой последних десятилетий (Ю. Мамлеев, В. Микушевич). Отдельное внимание в статье уделяется образу мира «Пищевлока»: доказано, что изображение позднесоветской эпохи подчинено разоблачению уже отживающих ритуалов поведения и жизни человека. Хронотоп лагеря, воплощая собой «слепок эпохи», позволил писателю увидеть отношения детей и вожатых как игру в историю (от дореволюционной России до последних десятилетий советской власти). Такой метафорический принцип миромоделирования вписан в контекст творчества А. Иванова в целом. Предпринимается попытка объяснить интерес писателя к теме вампиров. Доказывается, что А. Ивановым движет не только и не столько следование моде и вкусам массового читателя, сколько мысль о государстве как «пищевлоке». Автор пытается предупредить читателя об опасности идеологической монополии, показывая ее способность породить общество вампиров и упырей, не способных мыслить. Именно вампиры в мире «Пищевлока» делают неизбежным соскальзывание Истории и ее идей в фальшивую игру. Освобождение от искусственного мира и навязанной идеологии в «Пищевлоке» решается парадоксально: любая попытка человека изменить устоявшийся порядок вещей превращает его в вампира новой эпохи. Эта авторская мысль в романе проявлена характером изображения трех времен: дореволюционной России, советской действительности и перспективой постсоветского мира. Избегая идеологических и политических дискуссий, А. Иванов вглядывается в облик человека и именно с ним связывает надежду на будущее.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Алексей Иванов; роман «Пищевлок»; история; контекст; образ мира*Б л а г о д а р н о с т и*: статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ проект № 23-28-00905 «Эстетические смыслы и фрактальная поэтика новейшей русской прозы: А. П. Платонов, Л. М. Леонов, А. В. Иванов».*Д л я ц и т и р о в а н и я*: Когут, К. С. Превращения истории в романе А. Иванова «Пищевлок» / К. С. Когут. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 223–234.**TRANSFORMATIONS OF HISTORY IN A. IVANOV'S NOVEL "PISCHEBLOK"****Konstantin S. Kogut**Advanced Educational Scientific Center,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5402-249X>

A b s t r a c t. The article deals with the image of history in Aleksey Ivanov's novel "Pischeblok". The work of literature is explored in the context of the writer's self-development. The observations of the author's understanding of history are supplemented by various contextual connections of the novel with Ivanov's creative activity and Russian prose of the last decades (Y. Mamleyev, V. Mikushevich). The article pays special attention to the image of the world of "Pischeblok": it is argued that the depiction of the late Soviet era is subordinated to the exposure of already outmoded rituals of human behavior and life. The chronotope of the pioneer camp, embodying a "cast of the epoch", allowed the writer to see the relationship between children and counselors as a game of history (from pre-revolutionary Russia to the last decades of the Soviet power). This metaphorical principle of world-modeling is inscribed in the context of Ivanov's creative activity in general. An attempt is made to explain the writer's interest in

the theme of vampires. It is argued that Ivanov is driven not only and not so much by following the fashion and tastes of mass readers as by the idea of the state as a "pischeblok" (catering unit). The author tries to warn the reader about the danger of ideological monopoly, showing its ability to generate a society of vampires and ghouls unable to think. It is the vampires in the world of the "Pischeblok" that make the shift of History and its ideas into a fake game inevitable. The liberation from the artificial world and the imposed ideology in "Pischeblok" is solved paradoxically: any attempt of man to change the established order of things turns him into a vampire of the new era. This authorial thought is manifested in the novel by the nature of the depiction of three times: pre-revolutionary Russia, Soviet reality, and the perspective of the post-Soviet world. Avoiding ideological and political discussions, Ivanov looks attentively at the image of man thus expressing his hope for the future.

Keywords: Aleksey Ivanov; novel "Pischeblok"; history; context; image of the world

Acknowledgments: The research was carried out with financial support of the Russian Science Foundation (project No. 23-28-00905 "Aesthetic meanings and fractal poetics of modern Russian literature: A. P. Platonov, L. M. Leonov, A. V. Ivanov").

For citation: Kogut, K. S. (2023). Transformations of History in A. Ivanov's Novel "Pischeblok". In *Philological Class*. Vol. 28. No. 3, pp. 223–234.

Эпоха XX века все чаще оказывается предметом изображения в современной русской прозе последних лет: действие эпопеи В. В. Ремизова «Вечная мерзлота» происходит в 1950-х годах, «Земля» М. Ю. Елизарова осмысляет эпоху нулевых и т. д. Историю и постисторию как центральный сюжет романов Иванова впервые отметил И. Кукулин: «История в романах Иванова в глазах кончается и переходит в новую фазу... Писатель сосредоточен на сюжетах "обмеления" общества и истории, перехода ее в постисторию» [Кукулин 2007: 302]. Заметим, что исследователь в статье 2007 года сделал наблюдения на материале трех известных книг писателя: «Сердце Пармы», «Золото бунта, или Вниз по реке теснин» и «Блуда и МУДО». Три романа, как полагает И. Кукулин, метафорически представляют «опыт одного и того же исторического перехода – от 1990-х к 2000-м годам в России» [Там же: 303].

Попытаемся продолжить наблюдения исследователя над образом истории в творчестве современного писателя, обратившись к роману «Пищеблок» (2018), выпущенному накануне столетия пионерской организации (два года спустя по книге был снят одноименный сериал). Наша задача – рассмотреть роман в русле саморазвития Алексея Иванова как художника. Для решения поставленной задачи мы будем обращаться к различным контекстуальным связям (М. М. Бахтин, В. Е. Хализев) романа с творчеством писателя и с русской прозой последних десятилетий.

Мы учитываем отклики современной

критики на роман А. Иванова. Так, Г. Юзефович обращает внимание на «ретрокомедийный» жанр романа, ориентированный не только на ностальгирующего читателя, но и на экранизацию. Тема вампиров в «Пищеблоке» объясняется критиком односторонне – с позиций «коммерческой прозы»: «Вампиры в "Пищеблоке" выполняют функцию скорее инструментальную, чем содержательную – они необходимы писателю главным образом чтобы прокрутить романские шестеренки»; «вампирская интрига, механически вживленная внутрь ретро-сеттинга, не просто помогает сдвинуть с места застопорившийся сюжет» [Юзефович 2023].

Со схожих позиций о романе пишет К. Мильчин, называя «Пищеблок» «банальной сказкой», в которой «вампиры выглядят... довольно странно» [Мильчин 2023], а «ностальгия по пионерскому детству... довольно относительная: видно, что советский опыт для Иванова (по крайней мере, для нынешнего) – не то время, куда ему хочется вернуться. Вампирское и советское в этом романе тесно переплетено» [Там же].

Вторичность романа отмечает также Д. Быков. По мнению писателя, автор «Пищеблока» – «человек зоркий, чувствующий историческую и социальную тектонику, и он первым показал, как среди глубоко фальшивых, давно никому не нужных советских ритуалов вызревает – ну да, вампир. И вампир этот скоро вырвется на свободу и начнет беззастенчиво жрать уже все» [Быков 2023].

В целом же современная критика ста-

вит в заслугу писателю высокий уровень владения историко-культурным материалом. Действительно, обращают на себя внимание тщательность и точность А. Иванова в изображении повседневной жизни лагеря «Буревестник». У читателя не возникает ощущения искусственно сконструированной эпохи 1980-х годов, поскольку автор опирается на обширный пласт детского фольклора, советских песен, деталей быта 80-х, включая одежду и привычки советского человека; да и события романа разворачиваются на фоне узнаваемой Олимпиады. В качестве источников Иванов указывал на обширный пласт детской литературы советского времени: «Кортик» и «Бронзовую птицу» А. Рыбакова, произведения В. Крапивина, повести Э. Успенского¹. Но эта историческая конкретность в романе позволяет не столько изобразить современность, сколько разоблачить ее. Попытаемся взглянуть в логику этого разоблачения.

Ключом к образу мира в романе служит образ пятиклассницы Анастасийки. Ее любят вожатые, девочка посещает пионерские собрания и кружки, поет «правильные» песни, носит галстук, даже «стучит» на Валеру Лагунова старшим. Но затем она вынуждена признаться ему: «Это же всё как бы понарошку» [Иванов 2022: 161]. Что стоит за этим «понарошку»?

У входа в лагерь детей встречает гипсовая девочка-горнистка – знак единства и всеобщей устремленности в будущее. Но детей влечет в ней другое:

Титяпкин заглянул гипсовой горнистке под юбку и с сожалением сообщил:

– Блин, там всё заделано! [Иванов 2022: 32]

С сожалением – потому что смысл статуи для него также существует «понарошку». Мальчик, увлеченно заглядывающий под юбку статуе, как и товарищ Игоря Димон, все мысли которого заняты не служебными обязанностями, а соблазнением студенток, заставляя вспомнить героев романа «Блуда и МУДО» (2007). Борис Моржов мечтает «плюнуть... на всю мо-

раль, на весь формализм и посвятить высокое искусство закрашивания пластин единственной теме, которая всегда для всех интересна: теме теплого ветра, который внезапно раздул на девушке юбку. <...> В живописи это было бы так увлекательно: круглые ляжки, по-весеннему еще незагорелые, телесно-свежие...» [Иванов 2007: 43]. Моржов превращает живопись в емкость без смысла, антиискусство, лишенное смысла и глубины. Несмотря на то что у героев «Пищеблока» заглянуть под юбку уже не получается («заделано»), они относятся к статуе не как к символу и идее, а по-моржовски: как к «поверхности реальных вещей». словно перенесенные из эпохи 2010-х в 1980-е, они не совпадают со своей современностью.

«Понарошку» в лагере становится едва ли не законом жизни. Так, в конце смены дети прощаются с вожатыми и друг с другом, используя заученные формы речи:

– День пролетел, и лагерь спешит ко сну, – забубнили все.

– Доброй вам ночи, наши ребята, – как-то интимно сказали девочки.

– Доброй вам ночи, наши девчата, – зажато сказали мальчики.

– Доброй вам ночи, вожатые наши, – хорошо сказали опять все. <...>

Пионеры с облегчением освободились друг от друга... Это действие казалось Игорю жгучим фальшаком... Игоря ошпаривала неловкость, и тянуло яростно чесаться [Иванов 2022: 53].

Почти ритуальная последовательность «речей» иронически нивелируется вынужденным участием детей и вожатых в «действе». В результате Игорь вместо единства пионеров «орлянского круга» ощущает лишь «яростную» чесотку. Да и дети, подобно пленным каторжникам, «освобождаются» «с облегчением». И потому так естественен переход от речевок-лозунгов к сознанию героя, который ощущает действительность как неловкий «фальшак».

«Понарошку» отряды кричат свои речевки на открытии смены: «Решать! Искаать! Творить! Мечтать! В ритме века быть человеком!» [Иванов 2022: 47]; «Ветер дует в паруса, детство верит в чудеса! Плыви всегда, плыви везде, и путь найдешь к своей мечте» [Там же: 47]; «Гори так ярко, как сердце Данко! Возьми свое сердце, зажги

¹ А. Иванов также перечисляет произведения зарубежных писателей: «Приключения Тома Сойера» Марка Твена и «Судьбу Иерусалима» Стивена Кинга (любимый роман автора «Пищеблока»).

его смело, отдай его людям, чтоб вечно горело!» [Там же: 47] Главная вожатая, глядя на поднятый флаг, кричит, вздергивая руку в салюте: «Будь готов!» И только детям дана возможность прокомментировать происходящее: «Это что за дура?» [Там же: 37].

Один из главных героев романа Валерка не сомневается, что «в поднятом флаге всё равно сохранялось что-то честное, чистое, настоящее» [Там же: 51]. Иванов последовательно развенчивает миф о советском коллективизме. Но почему благая идея, призванная сплотить миллионы людей – и отряды, и вожатых, и советского человека вообще – потеряла былую силу? Валерка, став свидетелем неудачных попыток Левы сплотить вокруг себя футбольную команду, обернувшихся поражением на поле, с досадой размышляет:

Коллектив – это прекрасно. Коллектив всегда прав. Коллектив всегда лучше, чем один человек. Умнее, честнее, храбрее. Но там, на стадионе, разве коллектив? Разве команда? Не команда, а стая макак, дерущихся за банан [Там же: 72].

Горечь Левы вызвана не столько «фальшаком» и «коллективизмом», сколько внезапно осознанной пропастью между советской идеей и позднесоветским человеком. Между ними словно утратилось былое равновесие. И Валерка досадует не из-за ущербности коллективистской идеи, а из-за «макак», не способных действовать сообща.

Скука и разочарование рождают у главных героев Иванова мечту осуществиться не в большой Истории (лагерь, высшее образование, трудовая биография, служба и героический подвиг Данко), а в качестве одиноких мечтателей-романтиков, не разочаровавшихся в мире, но жаждущих восстановить утраченное равновесие. Игорь, разглядывая «серпик нарождающейся луны» [Там же: 56], с тоской думает о том, что «где-то луна серебрила исполинские щербатые грани древних пирамид. Океанский ветер трепал обрывки такелажа на мачтах Летучего Голландца. Неведомая сила поджидала самолеты в ловушке Бермудского треугольника. Ряды бессловесных каменных истуканов вглядывались в горизонт с берега острова Рапануи. Драконья челюсть Стоунхенджа скалилась разбитыми зубами. В Непале косматый снежный

человек, стоя на четвереньках, нюхал следы альпинистов. <...> Ничего этого ему, Игорю Корзухину, никогда не увидеть» [Там же: 57]. Настоящая жизнь, воплощенная легендарными образами океана, Стоунхенджа, снежного человека, бескрайней пустыни Наска, космической станции – эта жизнь, как кажется Игорю, проходит мимо него. Отголосок романтического двоемирия рождает мысль, будто сама История профанирована устройством лагеря «Буревестник».

Образ антимира в творчестве Иванова – явление нередкое. В повести «Общагана-Крови» (1992) безнадежность эпохи 1990-х годов, метафорически воплощенной в образе общежития, лишь усиливалась неизбывной мечтой Отличника о несуществующем острове Тенерифа – обители любви и радости.

Другой герой Иванова – Виктор Служкин из романа «Географ глобус пропил» (1995) – спасается от невыносимой «затемленности» жизни при помощи бегства в природу, в «негасимые сумерки красоты» и «вечный неуют северного очарования» [Иванов 2009: 271]. Здесь Географ находит себя, здесь его жизнь обретает смысл.

Игорь Корзухин в романе «Пищеблок» вписывается в этот ряд, поскольку способен отличить подлинное от фальшивого, испытать личную растерянность от катастрофического несовпадения в жизни формы и содержания.

Лагерь, воплотивший в романе «слепок» эпохи, воспринимается как подобие игры в Историю. Она предстает отношениями детей и вожатых – ведомых и ведущих (что не может не возвращать читателя романа к трагическим событиям XX века). «Все кому-то подчиняются» [Иванов 2022: 305], – с досадой думает герой романа. И действительно, Валерка доверяется авторитету Игоря – он взрослый, а значит, лучше, умнее. Беспомощным себя ощущает и Игорь в кабинете Натальи Борисовны, когда та приказывает прекратить роман с Вероникой. В свою очередь, и Наталья Борисовна боится, что тайна погибших детей и вожатых получит ход наверху. История как игра в вожатых и детей понятна Веронике. Героиня вопреки правилам лагеря отправилась ночью купаться. Вопреки данному Саше обещанию стать его женой по-

любила Игоря. Она не принимает систему предписаний и запретов, пожалуй, еще более радикально, нежели Игорь – в том они и похожи. С точки зрения этой системы роман героев (их связь до свадьбы, да еще и при существовании будущего мужа Вероники, которому она дала согласие) выглядит как однозначно безнравственный поступок, в то время как с точки зрения искренности – как единственно верный. Верный – потому что соответствует их чувствам и мыслям и в конечном счете обеспечивает свободу. Отсутствие свободы Вероника и объясняет игрой: «Мы все дети. Мы все живем в одном большом пионерлагере по общему расписанию» [Там же: 118]. И далее: «Выбора нет – как в столовке при пищеблоке. Жри, что дают. Или совсем не жри, как делает этот смешной Валерка Лагунов. Он находит в себе силы для этого» [Там же: 118]. И именно после этих слов Игорь поцелует Веронику, потому что «она говорила о своем, но сказала о том, о чем думал Игорь» (118). В образе лагеря Иванов воплощает образ государства.

Подобный метафорический «принцип» изображения писатель оттачивал в предшествующих произведениях. Ранее мы уже упоминали общагу из повести 1992 года. Упреки современной критики и читателей «Общаги» в «достоевщине» [Евсюкова 2006] и (в связи с этим) во вторичности раннего произведения все-таки были не вполне оправданы: в том и дело, что «мурло обнаглевшего хищника» (А. Иванов) 90-х нельзя было воплотить и объяснить никак иначе, как в образе общажития, бросить которое равнозначно гибели. Страна 90-х увиделась как общага, сложенная «из желтого, как вечность, кирпича» [Иванов 2008: 263].

Метафорой жизни в романе «Географ глобус пропил» стала школа. В ней все человеческие страсти, конфликты и противоречия обнажаются и обостряются до предела. Виктору Служкину «тесно» жить рядом с нелюбимой женой среди пьяниц и обывателей. В школе эта атмосфера воплощается бюрократической и формальной системой обучения: учителя думают об учебных планах и отчетах, но не о детях и уроках. Не случайно, что именно Служкина дети и заломнили. Именно он – пьянствующий «маленький человек», играю-

щий вместо урока в карты с детьми, едва не погубивший их в походе – именно он смог научить их. Но не географии, а больше – Жизни. И потому из школы его выгоняют: в нее он не вписывается и не хочет вписываться. Но так же и в жизни: жене он противен и непонятен. В конце романа перед ним «светлая и лучезарная пустыня одиночества» [Иванов 2009: 380].

В романе «Комьюнити» (2012) метафорой современности стала могильная надпись «Abracadabra», парадоксально воплотившая отсутствие смысла, демонстрирующая идеальную форму безо всякого содержания¹ [Щербинина 2013].

Читатель вправе ожидать, что хронотоп лагеря в «Пищеблоке» – метафора советского государства. Но суть авторского замысла не в советской истории как таковой. В том и дело, что Иванов в своем романе принципиально избегает подобной однозначности: лагерь возведен на месте одного из решающих сражений Гражданской войны. Игорь замечает в «Буревестнике» эклектику дореволюционных усадеб и советского модерна. «Расписные теремки пионерлагеря» [Иванов 2022: 133] создают впечатление «дореволюционного дачного поселка» [Там же: 21]. Но среди этих «деревянных дворцов» расположены пионерские стенды, газосветные фонари вдоль заасфальтированной дороги. Участник Гражданской войны и ветеран НКВД Серп Иванович Иеронов, вспоминая, как одержал победу над белыми в 1918 году, называет боевых товарищей своим «отрядом» [Там же: 137]: «Мы вместе о большом деле мечтали. Даже не о советской власти – о новом мире, о новом человеке. Мы хотели, чтобы все люди стали другими» [Там же: 137]. Революция воспринимается Серпом не как кровавая бойня, а как символ единства людей, сплоченных одной целью. Не о том мечтают «одиночки» Игорь и Вероника (в чем мы и убедились ранее). Но и Игорю суждено испытать радость «своего отряда», состоящего из Валерки и бабы Нюры. Размышляя о предстоящей и самой страшной для него битве с вампирами, он внезапно ощутил себя не силачом или храбрецом, а

¹ См.: Хрящева Н. П., Когут К. С. Гетеротопия Чумы в романе А. В. Иванова «Комьюнити» // Филологический класс. 2013. № 3 (33). С. 33–40.

«солдатом на войне» [Там же: 341]. В эту минуту Валерка почувствовал гордость «за свой маленький коллектив» [Там же: 342]. Подлинная и глубокая общность в романе все-таки рождается. И во многом именно благодаря ей герои одерживают относительную победу над вампирами. Перед нами не спор с ценностями советской эпохи, а восторг перед подлинным коллективизмом, который по-настоящему объединял людей, но позднее почему-то выродился в формальные порядки.

Получается, образ лагеря «Буревестник» связан не с советским государством, а точнее не только с ним. Иванов осмысляет панораму истории от дореволюционной России до последних десятилетий советской власти. Попробуем понять логику этих размышлений. Зададимся вопросом: для чего автору понадобилось обращение к теме вампиров? Что это – желание сконструировать увлекательный сюжет или часть художественного замысла?

Для ответа на этот вопрос нам необходимо учесть литературный контекст. Один из главных героев литературы 1990-х годов – вампир (Ю. Мамлеев, В. Микушевич, В. Пелевин).

Так, в цикле ранних рассказов Ю. В. Мамлеева изображается мрачная современность, наполненная смертью, трупами, кровью. Вампиры в этом мире – явление частое. В одном из самых безнадежных рассказов писателя «Изнанка Гогена» умерший и уже похороненный отец Любимов выбирается из гроба и, испытывая непреодолимый зов крови, возвращается к сыну Вадиму и дочери Наташе, кусает их, пьет кровь. Исследуя психологию вампира, Мамлеев изображает постепенную утрату вампиром человеческих черт: «Ничто не удивляло старика. Что-то замкнулось в нем раз и навсегда для человеческих чувств. Он мог думать, но как-то формально. А огромное поле сознания вообще ушло от него, исчезли многие понятия, особенно такие, как Бог, мир, жизнь...»; «Все прежние, но еще сохранившиеся в нем слова стали как исчезающие символы» [Мамлеев 1982: 14]. Превращение человеческого в вампирское объясняется у Мамлеева «загробной потусторонней природой упыря»: он восстал из гроба и изменился именно в силу соб-

ственной смерти. Мир людей он больше никогда не поймет. Любимов-упырь ощущает «власть трупной бесконечности», а мир понимает как продолжение своей «трупности»: «В библиотеке он выбирал книги наугад, чаще всего ему попадался Кальдерон» [Там же: 21]. Пожалуй, такой герой действительно мог бы сказать о человеческой жизни как о зыбком и непостоянном «сне». «Вампирами становились “нечистые” покойники – преступники, самоубийцы, умершие преждевременной смертью и погибшие от укусов вампиров», – отмечает М. А. Юсим [Мифы народов мира 2008: 212].

В романе Алексея Иванова вампиры не связаны с загробным миром: они никогда не умирали, а живут среди других пионеров и вожатых. Вампирство у Иванова проявляет себя не изменением физическителесной природы человека, не его переходом из мира живых в мир мертвых (и потому бессмертных), а метаморфозой психологии и поведения человека. Вампиры Иванова – живые люди. И больше всего они хотят жить как все, поэтому им не чужды вопросы о «Боге, мире, жизни». Вампир у Мамлеева покидает мир живых, вампир у Иванова – мимикрирует под него. В своей книге о вампирах Жан Мариньо называет их «привидениями во плоти», «чьи тела самочинно заняты душами, вернувшимися из чистилища. В XI в. в Европе получают распространение истории о покойниках, тела которых, не тронутые тлением, находили вне могил» [Мариньо 2002: 23]. В романе Алексея Иванова «плотская», телесная природа вампира воспроизводится буквально.

Мимикрия посредством пионерского галстука, «правильных» песен, лозунгов, поведения – не средство их маскировки. Дело в другом. Бездумно подстраивающийся под социально-политические нормы, неосознанно соглашающийся с идеологией, «руководящей линией» партии человек у Иванова – и есть вампир.

А поскольку вампир у Иванова – это правильный во всем человек, он незаметен, неотличим от других людей: «Они правильные, – уверенно повторил Валерка. – А правильные быть ненормальными» [Иванов 2022: 309]. Так вампир в романе оказывается синонимом «идеального

гражданина». Мертвенность «ритуалов» пионерлагеря связывается с «мертвенностью» вампира. Поэтому Иванов и изображает необычных кровопийц – они живут не в гробу, так как это живые люди, ставшие куклами, которые «беспорядков не нарушают» (М. Зощенко).

Прообразом вампирического мира-пищблока в творчестве Иванова служит фантастическая повесть «Земля-Сортировочная» (1991). Здесь писатель также прибегает к приему оборотничества: инопланетяне перевоплощаются в жителей поселка Сортировка. Герой с удивлением обнаруживает, что «андроидов было штук тридцать. Они выглядели в точности как новомыквинские мужики – в сапогах или ботинках... и все, даже лысые, в подпятии. Короче, с виду нормальные люди» [Иванов 2006: 85]. А война против преступных мятежников и «своих» инопланетян достаточно явно воспроизводила исторические реалии 90-х годов.

В 2010–2020-е гг. в русском обществе ведется напряженный спор об идеологии. Под идеологией мы понимаем систему взглядов, которая дает ответ на вопросы, с которыми сталкивается человек, т. е. это некоторое представление о мире. На встречах с читателями и на своем сайте Иванов нередко связывал появление «Пищблока» своим спором с идеологией как таковой и с тем, к чему она может привести. В таком случае есть основания рассматривать «Пищблок» как реплику в современной дискуссии. Нас интересует художественное воплощение авторской позиции.

Вампирическая тема стала центральной в романе не потому, что Иванов отрицает идеологию как основу государства, а потому, что им увидена губительность единственной идеологии. Иванов увидел историю как борьбу разнообразных информационных систем: «Проблема не в том, “хорошая” идеология или “плохая”. Проблема в том, что она тоталитарная. Угроза идеологии не в ее смыслах, а в ее единственности. Единственность идеологии и становится причиной ее опасности для общества» [Иванов 2020: 295].

Вампиры позволили Иванову изобразить губительную сторону идеологической «монополии». И в таком случае понятно, почему главные герои романа боятся стать

жертвами вампиров, которые пьют кровь своих жертв, но убить их не способны: Игорю и Валерке страшно стать рабами идеи, утратить свободу самоопределения. Жертва не умеет думать и действовать самостоятельно.

Эта мысль Иванова становится еще более очевидной с учетом литературного контекста. В рассказе Мамлеева «Упырь-психопат» [Мамлеев 1986: 176–180] вампир, напротив, обретает свободу. В какой-то момент ему кажется, что мир вокруг ненастоящий. Герой, читавший по вечерам Канта и Штейнера, влюбляется и переоткрывает для себя мир. Человеческое, иррациональное кажется ему глубже и бездоннее, чем «кровь из пробирок», которую он пьет из страха укусить живого ребенка. Любовь разрушила стену между человеческим и внемеловеческим, погубив героя. Эти два влечения – любовь и кровососание – остаются непообежденными. Вампир решает убить любимую и себя, чтобы вознестись, чтобы спастись обоим.

Но если у Мамлеева упырь сомневается, мучается, боится, то в романе Иванова эти качества невозможны для вампира. Вероника объясняет Игорю, почему ей нравится подчиняться главному вампиру-стратилату: «Если ты с ним заодно, то получаешь все, что необходимо: любовь, свободу, правду. Все обретает смысл. Любое дело ради него – часть великого дела. Я еще никогда не ощущала себя такой нужной» [Иванов 2022: 353]. Мир вампиру не страшен. В нем найдены все ответы. И каждый из ответов дан узурпатором, главным кровопийцей. Вампир же уверен в их «правильности» и разумности¹.

¹ Отметим, что метафизика власти по крови в русской культуре впервые была обоснована в переписке о Павла Флоренского с В. В. Розановым. Письма явились реакцией Флоренского на события 1911 года – дело еврея Бейлиса, который совершил в Киеве ритуальное убийство 13-летнего мальчика Андрея Ющинского. Флоренский подтверждал обвинение в кровопролитии, доказывая, что христианство и иудаизм верят в «святость крови», но только иудаизм требует кровавой жертвы, которая должна быть принесена не символически, а с муками. Тогда ритуальное убийство – свидетельство глубокой религиозности. Отсюда вывод Флоренского: «Признаюсь, что еврей, вкушающий кровь, мне гораздо ближе не вкушающего... Первые вкушающие – это евреи, а вторые – жидаы».

В рассказах В. Микушевича о старце Аверьяне (сборник «Будущий год») вампиры, напротив, связаны с грехопадением. «Вампиры – отпрыски Лилит», – заключает герой. И потому они существуют порознь, «не желают и не способны образовывать с любимым единую плоть, как не желала или не могла Лилит образовать единую плоть с Адамом...» В «Исцелении вампира» эти существа предстают одиночками.

В романе Иванова иначе: Вероника, Лева и другие вампиры в романе воплощают коллективизм в тех неестественных и принудительных формах, которые невыносимы для «ненормального» человека (чем он и отличается от вампира: Валерка мудро замечает, что все люди хоть в чем-то «ненормальны»).

Атрибуты советского государства связываются с вампирской «маскировкой». Баба Нюра объясняет Игорю: «У-упырям нельзя на солнце... Со-ожжёть в пе-эпел. Вот о-они всё совецко на ся и вздевают. Защита ихня днем. Кра-асный цвет. Кро-овья любимая. А зве-езда – знак дивольский...»

– Пентаграмма!.. – прошептал Игорь» [Иванов 2022: 325].

Дело, разумеется, не в том, что Совет-

ский Союз изображается как государство вампиров. Думается, Иванов вместе с порочностью идеологии увидел порочность человеческой природы. Жажда выпить кровь для своего господина (стратилата-вождя), желание стать добровольным рабом, отказаться от личной воли, бездумно подчиниться чужому слову – вот источник вампирической природы Левы, Вероники, Максима, Кирилла и других. Эта природа извращает смысл советской идеи. Валерка горько замечает: «Они, люди, сами виноваты. Они наплевали на тайну, скрытую в алых знаменах и пятиконечных звездах, в серпе и молоте. Людям эта тайна оказалась не нужна. А вампирам – нужна. Вампиры не просто обманывали и не просто пили кровь; они извратили всю суть серпа и молота, всю суть флага и звезды. Но Валерке эта суть была очень дорога. Чем еще дорожить-то?» [Там же: 375] Диалектика истории состоит в том, что идеология, способная превратить людей в рабов, может объединить их, придать смысл существованию «пищблока». Люди, отказавшиеся от идеологии, превратили реальность в симулякр, притворство, создав ощущение дурно сыгранного спектакля. Погасло героическое пламя Данко, современность измельчала. Вампиры же эту идею извратили. Вина лежит не столько на идее, сколько на людях, использующих ее в личных интересах. Отсюда двойственность заглавной метафоры романа: указывая на людей-вампиров, которые извлекают личную выгоду из государства именно в силу собственной бездумности, подкрепленной идеологической монополией, пищблок вбирает в себя и отношение тайных упырей-стратилатов к окружающим как к «тушкам». Причем «тушкой» может стать как согласный, так и не согласный с идеологией мыслящий человек. Такова жажда крови.

По Иванову, во все времена идея гибла из-за подобного извращения. Когда белогвардейский офицер попал в окружение деревенских революционеров Сергея и Матвея Иероновых, те закричали ему, замахиваясь вилами: «Попил кровушки народной? Теперь мы твоей крови хотим!» [Там же: 322]. Так стратилаты дореволюционной России сменились стратилатами советской эпохи, что запечатлено сменой имен: братья Иероновы назвали себя Сер-

Страсть к крови, по мысли философа, определяет облик человека, его природу, но вместе с ней – сущность власти и политики. Сестре Ольге философ сказал: «Если б я не был православным священником, а евреем, я бы сам поступил, как Бейлис, т. е. пролил бы кровь Ющинского»; «Если были ритуальные убийства даже тогда (во времена царей и пророков), то почему же не может быть их теперь?» [Розанов 2010: 9–194].

Размышления Флоренского о метафизике крови продолжит А. Ф. Лосев. В подцензурных, но недавно изданных под одной обложкой «Дополнениях к “Диалектике мифа”» философ размышляет о вампирической природе советской власти: «Почему... советская власть, столь, казалось бы чуждая русскому народу и переполненная различными иностранными элементами, может держать в повиновении всю страну, и почему несколько десятком активных коммунистов и сейчас управляет полуторастами миллионным населением? Конечно, не потому, что на стороне этих нескольких десятков людей полнота физической силы. Наоборот, полнота физической силы у полутораста миллионов, а не у нескольких десятков. Но потому это происходит, что народ сам вполне достоин этого правительства и сам вполне доволен или, во всяком случае, не настолько недоволен, чтобы сопротивляться. Советская власть держится благодаря платоническим воззрениям русского народа» [Лосев 2022: 271].

пом и Молотом. Вожди-стратилаты в каждый период истории пили кровь и подчиняли себе вампиров, используя идеологию в качестве прикрытия. Потому великая Идея и не воплотилась в истории.

Значит, автор оценивает исторические эпохи не с позиций их ключевых ценностей, идей, способов миропонимания и моделей государственного устройства, а с точки зрения воплощения или невоплощения подлинно человеческих связей. О Валерке в романе сказано, что «он не был ни силачом, ни красавцем, ни храбрецом» [Там же: 342], но во время решающей битвы на причале «бросился в атаку... за свой маленький коллектив, который отважился вступить в войну с вампирами» [Там же: 342]. И не потому Валерка отчаянно борется, что так велит ему идеология, а потому, что всей душой жаждет быть частью настоящего коллектива.

Мысль о том, что классово-идеологическое расслоение не способно с достаточной полнотой объяснить человека и историю, будет положено в основу романа «Бронепароходы» (2023). Огромное количество исторических фигур на страницах произведения: князь Михаил Романов, Лев Троцкий, Лариса Рейснер и др. – все они в сумме своей не позволяют ощутить авторских симпатий. И не потому, что Иванов не сочувствует своим героям, а потому, что это сочувствие не зависит от идеологического лагеря. Иванов рассказывает о том, как молодой чекист Сенька Рябухин заботится о Кате Якутовой, дочке богатого судовладельца, выполняя, как ему кажется, свой долг перед ее погибшим отцом. Катя же любит князем Михаилом, которого сумела спасти, и видит в его чертах лица «врожденное спокойствие высшей власти» [Иванов 2023]. Азербайджанец Мамедов, работающий в концерне Нобелей, опекает юного инженера Алешку. Иванов почти демонстративно отказывается различать людей по идеологическим «критериям». Главными героями его романа становятся те, кто нашел в себе силы и решимость помогать другим людям, порой ценой собственной жизни.

Вернемся к «Пищблоку». Есть в романе и исключение – герой, который уже одной своей должностью воплощает согласие со всеми нормами и правилами «Буре-

вестника» – Наталья Борисовна. Однако вопреки читательским ожиданиям, «Свистуха» не связана с вампирическим сюжетом «Пищблока». Почему? Думается, перед нами не просчет, а сознательная установка автора: не каждый сторонник советской идеологии и идеологии вообще может быть кровопийцей. В вампире, как мы увидели, подчеркнута рабская ипостась, бездумная зависимость и автоматическое согласие с идеей. Но не такова Наталья Борисовна. С одной стороны, Игорь с гневом замечает, что его «заколебали невидимые и бессмысленные границы, бдительно охраняемые Ириной и Свистухой» [Иванов 2022: 212]. С другой стороны, проявления солидарности Натальи Борисовны с бессмысленными ритуалами лагеря, желание сделать «правильно» отмечены осознанностью, личным решением: «Накажут меня!.. А мне разнос от начальства ни к чему!» [Там же: 189]; «Конечно, Свистуха спасала свою шкуру» [Там же: 189]. Тем же обоснована «правильность» Анастасийки: «Так тут в лагере вообще одни глупости... Это же игрушечное... Анастасийке хочется, чтобы ею восхищались, и потому ей все равно, про что петь: про орлят или про картошку» [Там же: 295]. Следование авторитетному дискурсу (М. М. Бахтин)¹ для Свистухи и Анастасийки открывает возможность так или иначе обрести свободу, а не стать рабом. Парадоксально, но именно повторение застывших идеологических клише и позволяет героям отстоять свою личность, свое «я», с одной стороны, не растворив его в вампирическом бездумном согласии и, с другой стороны, сохранив свое место в системе государства.

Отмеченный парадокс позднесоветской действительности, воссозданный в романе Иванова, совсем недавно получил серьезное обоснование в исследовании А. В. Юрчака [Юрчак 2022]. Ученый, подробно рассматривая обширнейший пласт архивных материалов, воспоминаний, газет и интервью до и после 1985 года, наста-

¹ В работе «Слово в романе» М. М. Бахтин использует синонимичные термины «авторитетное слово» и «авторитарное слово». Под ними подразумевается чужое слово, которое стремится определить самые основы идеологического мироотношения и поведения [Бахтин 1975: 72–233].

ивает на важном для нас тезисе: «Если человек четко повторял формы авторитетных высказываний и ритуалов, не слишком задумываясь об их буквальном смысле, он получал относительную свободу выстраивать свою жизнь более-менее по-своему, подходить к ней творчески, в меньшей степени зависеть от государственного диктата. Повторение застывших авторитетных форм вело не к закреплению человеческого существования, а, напротив, – к его относительно освобождению» [Юрчак 2022: 77].

Мечтой об обретении свободы через воспроизведение авторитетного дискурса завершает роман: «Древнее зло не может одолеть человека, если человек не уступает ему свою волю» [Иванов 2022: 411], – размышляет Игорь. И речь идет не о сопротивлении и борьбе человека и системы, поскольку Валерка стал новым стратилатом – жажда крови неизбежно даст о себе знать. Путь к спасению лежит в слиянии героя с дискурсом власти, что и позволяет почувствовать себя свободным.

Не случайно «Игоря словно перенесло в прошлое – будто машина времени заработала, будто Гражданская война еще продолжалась» [Там же: 383]. История, по Иванову, – это непрекращающаяся Гражданская война, только не между белыми и

красными, советским и антисоветским, идеологией и свободой. Поле битвы разворачивается между людьми – простым человеком и «правильным» вампиром, сосущим кровь из государства-пищеблока, извлекающим собственную выгоду. Парадокс, по Иванову, заключается в том, что любая попытка человека изменить устоявшийся порядок вещей превращает его в вампира новой эпохи. Так в 1918 году вампиры-офицеры сменились вампирами-коммунистами. А в 1980-е их сменили вампиры-демократы. А значит, и в 2000-е годы столкновение не прекратится. Думается, прав был Н. А. Бердяев, который задолго до появления романа «Пищеблок» обозначил подобного рода историческую преемственность, которая осуществляется через метафору крови: «Периодически появляются люди, которые с большим подъемом поют: “От ликующих, праздно болтающих, обгаряющих руки в крови уведи меня в стан погибающих за великое дело любви”. И уходят, и несут страшные жертвы, отдают свою жизнь. И когда они побеждают и торжествуют, то быстро превращаются в “ликующих, праздно болтающих, обгаряющих руки в крови”. И тогда являются новые люди, которые хотят уйти в “стан погибающих”» [Бердяев 1991: 244].

Литература

- Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 504 с.
- Бердяев, Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии / Н. А. Бердяев. – М. : Книга, 1991. – 445 с.
- Быков, Д. Л. Книга, автор и герой ноября / Д. Л. Быков. – Текст : электронный // Собеседник.ru. – 28.03.2023. – URL: <https://ru-bykov.livejournal.com/3621627.html> (дата обращения: 30.10.2023).
- Вацуро, В. Э. Готический роман в России / В. Э. Вацуро. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – С. 497–514.
- Евсюкова, С. Алексей Иванов / С. Евсюкова. – Текст : электронный // Интернет-издание E-motion. – 2006. – URL: <http://ivanproduction.ru/recenzii/obshhaga-na-krovi/6.html> (дата обращения: 01.06.2023).
- Иванов, А. В. Блуда и МУДО / А. В. Иванов. – СПб. : Азбука-классика, 2007. – 576 с.
- Иванов, А. В. Бронепароходы / А. В. Иванов. – СПб. : Рипол-классик, 2023. – 688 с.
- Иванов, А. В. Быть Ивановым. Пятнадцать лет диалога с читателями / А. В. Иванов. – М. : Альпина нон-фикшн, 2020. – 336 с.
- Иванов, А. В. Географ глобус пропил / А. В. Иванов. – СПб. : Азбука-классика, 2009. – 380 с.
- Иванов, А. В. Земля-Сортировочная : сборник повестей / А. В. Иванов. – СПб. : Азбука-классика, 2006. – 544 с.
- Иванов, А. В. Общлага-на-Крови / А. В. Иванов. – СПб. : Азбука-классика, 2008. – 320 с.
- Иванов, А. В. Пищеблок / А. В. Иванов. – М. : Издательство «АСТ» : Редакция Елены Шубиной, 2022. – 413 с.
- Кукулин, И. Героизация выживания / И. Кукулин // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 86. – С. 302–330.

Лосев, А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа» (новое академическое издание, исправленное и дополненное) / А. Ф. Лосев ; сост, подготовка текста, вступ. статья А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого ; коммент. В. П. Троицкого. – 2-е изд. – М. : Издательский Дом ЯСК ; Гнозис, 2022. – 696 с.

Мамлеев, Ю. Живая смерть. Сборник рассказов / Ю. Мамлеев. – Париж ; Нью-Йорк : Издательство «Третья волна», 1986. – 351 с.

Мамлеев, Ю. Изнанка Гогена. Рассказы / Ю. Мамлеев. – Париж ; Нью-Йорк : Издательство «Третья волна», 1982. – 95 с.

Жан Мариньо. Дракула и вампиры / Жан Мариньо ; пер. Г. Цареградского. – М. : Издательство «АСТ», 2002. – 194 с.

Мильчин, К. Пионерский лагерь имени Влада Цепеша. О новом романе Алексея Иванова «Пищевблок» / К. Мильчин. – Текст : электронный // Горький. – 18.03.2023. – URL: <https://gorky.media/reviews/pionerskij-lager-imeni-vlada-tsepesha> (дата обращения: 30.10.2023).

Мифы народов мира: энциклопедия : в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. – М. : Большая Российская энциклопедия ; Дрофа, 2008.

Розанов, В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники. Книга вторая / В. В. Розанов ; под общ. ред. А. Н. Николюкина ; сост. А. Н. Николюкин ; коммент. А. Н. Николюкина, С. М. Половинкина, В. А. Фатеева. – М. : Республика ; СПб. : Росток, 2010. – 957 с.

Щербинина, Ю. В. Чума... как много в этом звуке / Ю. В. Щербинина // Вопросы литературы. – 2013. – № 4. – С. 104–122.

Юзефович, Г. Музей позднесоветской эпохи, теперь с вампирами. О романе «Пищевблок» Алексея Иванова / Г. Юзефович. – Текст : электронный // Медуза. – 28.03.2023. — URL: <https://meduza.io/feature/2018/11/17/muzej-pozdnesovetskoj-epohi-teper-s-vampirami> (дата обращения: 30.10.2023).

Юрчак, А. В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение : пер. с англ. / А. В. Юрчак ; предисл. А. Беляева. – 7-е изд. – М. : Новое литературное обозрение, 2022. – 664 с.

References

Bakhtin, M. M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics. Studies of Different Years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 504 p.

Berdyayev, N. A. (1991). *Samopoznanie. Opyt filosofskoi avtobiografii* [Self-knowledge. Experience of Philosophical Autobiography]. Moscow, Kniga. 445 p.

Bykov, D. L. (2023). Kniga, avtor i geroi noyabrya [Book, Author and Hero November]. In *Sobesednik.ru*. March, 28. URL: <https://ru-bykov.livejournal.com/3621627.html> (mode of access: 30.10.2023).

Evsyukova, S. (2006). Aleksei Ivanov [Alexey Ivanov]. In *Internet-izdanie E-motion*. URL: <http://ivanproduction.ru/recenzii/obshhaga-na-krovi/6.html> (mode of access: 01.06.2023).

Ivanov, A. V. (2006). *Zemlya-Sortirovochnaya* [Earth-Sorting Land]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika. 544 p.

Ivanov, A. V. (2007). *Bluda i MUDO* [Bluda i MUDO]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika. 576 p.

Ivanov, A. V. (2008). *Obschaga na Krovi* [Dorm on Blood]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika. 320 p.

Ivanov, A. V. (2009). *Geograf globus propil* [The Geographer of the Globe]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika. 380 p.

Ivanov, A. V. (2020). *Byt' Ivanovym. Pyatnadsat' let dialoga s chitatel'nyami* [Being Ivanov. Fifteen Years of Dialogue with Readers]. Moscow, Al'pina non-fikshtn. 336 p.

Ivanov, A. V. (2022). *Pishcheblok* [Canteen]. Moscow, Izdatel'stvo «AST», Redaktsiya Eleny Shubinoi. 413 p.

Ivanov, A. V. (2023). *Broneparokhody* [Armored Ships]. Saint Petersburg, Ripol-klassik. 688 p.

Kukulini, I. (2007). Geroizatsiya vyzhivaniya [Heroization of Survival]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 86, pp. 302–330.

Losev, A. F. (2022). *Dialektika mifa. Dopolnenie k «Dialektike mifa» (novoe akademicheskoe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe)* [Dialectics of Myth. Addendum to “Dialectics of Myth” (New Academic Edition, Corrected and Supplemented)]. 2nd edition. Moscow, Izdatel'skii Dom YaSK, Gnozis. 696 p.

Mamleev, Y. (1982). *Iznanka Gogena. Rasskazy* [Gauguin's Backside. Stories]. Paris, New York, Izdatel'stvo «Tret'ya volna». 95 p.

Mamleev, Y. (1986). *Zhivaya smert'* [Living Death]. Paris, New York, Izdatel'stvo «Tret'ya volna». 351 p.

Milchin, K. (2023). Pionerskii lager' imeni Vlada Tsepesha. O novom romane Alekseya Ivanova «Pishcheblok» [Pioneer Camp named after Vlad Tepes. About the New Novel by Alexei Ivanov “Pischeblok”]. In *Gor'kii*. March, 18. URL: <https://gorky.media/reviews/pionerskij-lager-imeni-vlada-tsepesha> (mode of access: 30.10.2023).

Rozanov, V. V. (2010). *Sobranie sochinenii. Literaturnye izgnanniki. Kniga vtoraya* [Collected Works. Literary Exiles. Book Two]. Moscow, Respublika, Saint Petersburg, Rostok. 957 p.

Shcherbinina, Yu. V. (2013). Chuma... kak mnogo v etom zvuke [Plague... How Much is in This Sound]. In *Voprosy literatury*. No. 4, pp. 104–122.

Tokarev, S. A. (Ed.). (2008). *Mify narodov mira: entsiklopediya: v 2 t.* [Myths of the Peoples of the World: An Encyclopedia, in 2 vols.]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, Drofa.

Vatsuro, V. E. (2002). *Goticheskii roman v Rossii* [Gothic novel in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 497–514.

Yurchak, A. V. (2022). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was Forever, Until It Ended. The Last Soviet Generation]. 7th edition. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 664 p.

Yuzefovich, G. (2023). Muzei pozdnesovetskoï epokhi, teper' s vampirami. O romane «Pishcheblok» Alekseya Ivanova [Museum of the Late Soviet Era, Now with Vampires. About the Novel “Pishcheblok” by Alexei Ivanov]. In *Meduza*. March, 28. URL: <https://meduza.io/feature/2018/11/17/muzey-pozdnesovetskoy-epohi-teper-s-vampirami> (mode of access: 30.10.2023)..

Zhan Marinyo. (2002). *Drakula i vampiry* [Dracula and Vampires]. Moscow, Izdatel'stvo «AST». 194 p.

Данные об авторе

Когут Константин Сергеевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии специализированного учебно-научного центра, Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Данилы Зверева, 30.

E-mail: kosfunpix@yandex.ru.

Author's information

Kogut Konstantin Sergeevich – Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Philology of Advanced Educational Scientific Center, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 27.09.2023; дата публикации: 31.10.2023

Date of receipt: 27.09.2023; date of publication: 31.10.2023